

Глава 18. Это сердце вот-вот перестанет биться.

Ци Цзю так и не дождался ответа.

Вмешалась Система, решившая восстановить справедливость:

[Он кивнул тридцать девять раз. Ты не видишь, потому и не заметил.]

Байлан на мгновение позабыл о слепоте брата. А может, и помнил, но как бы ни старался, в ту минуту просто не мог выдать ни звука. Это чувство было сродни тому, как если бы прямо перед тобой сияло теплое солнце, но в груди зияла дыра, сквозь которую со свистом проносился ледяной ветер.

Испугавшись, что Ци Цзю примет его молчание за отказ, Е Байлан кивнул тридцать девять раз кряду, прежде чем осторожно помочь брату опереться на изголовье кровати, обложив его горой подушек со всех сторон.

Затем он бросился в ванную: спотыкаясь и едва не падая, Байлан наспех смыл дорожную пыль и переоделся — он спешил вернуться, чтобы снова обнять Ци Цзю.

[Как ты планируешь поступить?] — спросила Система. — [Твое время на исходе.]

Ци Цзю и сам это прекрасно понимал.

Это тело угасало быстрее, чем можно было предположить. Впрочем, учитывая всё пережитое с момента их появления здесь, само то, что Ци Цзю еще дышал и мог открывать глаза, уже граничило с медицинским чудом. Времени оставалось совсем немного; сколько именно — зависело от удачи, от того, как долго протянет «энергосберегающий режим»... и от Е Байлана.

Тема была тяжелой. Ци Цзю всё еще не решил, как обставить последний уход, чтобы нанести психике волчонка как можно меньший урон.

К счастью, его верный системный друг собирался временно оставить свой учебный класс и отправиться за тридцать тысяч километров, чтобы изловить для него одну чертовски крутую ворону.

Система: [...]

[Когда это мы успели договориться?] — никак не могла взять в толк она. — [С чего это я

должна ловить каких-то ворон?!]

— Разве мы не договариваемся прямо сейчас? — Ци Цзю мысленно щелкнул кнопками калькулятора. — Получишь долю от моих премиальных.

Система согласилась вовсе не из-за бонусов. Просто эти двое так внезапно и странно сблизились, что, судя по оценке эффективности, этот прогресс стоил десятка курсов повышения квалификации.

Система приняла форму птичьей клетки:

[Есть какие-то особые пожелания? Я попробую договориться с птицей, но с тебя билет на самолет в отделе перевозки питомцев.]

— А она сможет научиться говорить? — поинтересовался Ци Цзю.

[?]

— Ладно, забудь, — Ци Цзю и сам понимал, что затея сомнительная. С легким сожалением он вычеркнул этот пункт. — Просто подбери экземпляр с перьями покрасивее.

Впрочем, особой красоты и не требовалось — Е Байлан в эстетике не смыслил ровным счетом ничего, так что сошло бы и так. Ци Цзю понимал, что его время истекает, но он собирался продержаться во что бы то ни стало. Хотя бы до весны.

Весной холода отступят. Жизнь снова затрепещет в каждой травинке, возвращая волю к бытию, и, быть может, тогда на душе у волчонка станет чуть легче. Когда Байлан будет в добром расположении духа, он вряд ли станет возражать против крутой и важной вороны, что постучит в его окно и влетит в дом, чтобы вдоволь наесться.

Он не будет против того, чтобы они встретили весну вместе.

«Энергосберегающий режим» оправдал ожидания: по крайней мере, в самый разгар праздников никаких сбоев не случилось.

Ци Цзю, укутанный в тяжелое пальто, лениво полулежал на кухонном диване. Руководствуясь методом «слепого прощупывания слона», он три дня вдохновенно наставлял Е Байлана, и в итоге волчонок всё же освоил кулинарное мастерство.

— Давай, — Ци Цзю отложил кислородный баллон и поманил его рукой. — Позволь мне оценить работу.

Байлан вложил готовый пельмень в его ладонь и, накрыв пальцы Ци Цзю своими, помог проверить плотность шва и общую форму. На этот раз пельмень вышел что надо: пузатый от начинки, надежно защипнутый — такой, если поставить на доску, будет стоять уверенно и гордо.

Ци Цзю остался доволен:

— Весьма недурно.

Байлан опустил ресницы. Впервые за три дня он позволил себе облегченно выдохнуть; уголки его плотно сжатых губ мучительно дрогнули, изобразив некое подобие улыбки.

Ци Цзю не мог вечно ощупывать один-единственный пельмень. Байлан забрал его, отправил в кипящую кастрюлю и вместо него подставил под ладонь брата собственное лицо.

— Эй, осторожнее, мука же! — кончики пальцев Ци Цзю были белыми, и он, не теряя времени даром, щедро приложился ими к бровям Байлана. — Совсем о своем виде не заботишься?

Байлан позволил оттолкнуть свое лицо одним пальцем, но не ушел. Он присел на корточки у дивана и долго смотрел на Ци Цзю снизу вверх, прежде чем покачать головой:

— Нет, не забочусь.

Ци Цзю всё больше казалось, что этот волчонок, пользуясь его незрячестью, совсем распоясался:

— А ну, отойди... не вздумай испачкать меня мукой.

Но Байлан уже научился безошибочно распознавать шутливый тон. Забота Ци Цзю не прошла даром: характер его стал ровнее, приступы головной боли мучили реже, а старые кошмары надолго оставили его в покое.

Даже слыша подобные слова, он прекрасно знал — брат просто поддразнивает его. Ци Цзю было плевать на пыль и грязь; даже если бы Байлан был по локоть в крови и пороке, брат всё равно бы раскрыл объятия.

Поэтому Е Байлан лишь теснее прижался к Ци Цзю, пачкая мукой его одежду и лоб.

Ци Цзю, чьи способности к сопротивлению были крайне ограничены, лишь сокрушенно вздохнул:

— Ну и что это за поведение?

Байлан обнял его, забрался на диван и, поджав ноги, втиснулся рядом:

— Непозволительное.

Ци Цзю: «...»

В чем другом, а в искусстве невозмутимого упрямства волчонок явно превзошел учителя.

Смирившись с тем, что его «переиграли», Ци Цзю медленно высвободил руку и потеснился, чтобы Байлан ненароком не вывалился в щель между подушками.

— Иди ближе, — Ци Цзю дважды похлопал себя по колену. — Вместе теплее.

Байлан придержал ноги Ци Цзю, коснулся ладонью его щеки и подложил подушку под его шею.

Двадцать восьмого числа последнего месяца, пока Ци Цзю был в забытьи, Байлан велел в спешном порядке установить на кухне кондиционер и пригласил на дом парикмахера. Мастер оправдал свою цену — оба теперь выглядели безупречно. Байлан очень хотел сфотографироваться с братом, но Ци Цзю был слишком слаб и никак не просыпался.

Двадцать девятого Ци Цзю очнулся и, загоревшись идеей, потащил его на «спецтренировку» — они всю ночь упражнялись в лепке пельменей.

Сегодня было тридцатое число — канун Нового года. Байлан включил кондиционер на полную мощность, направив поток горячего воздуха в кухню, и спрятал грелки среди диванных подушек.

Лицо Ци Цзю оставалось ледяным. Эта бледность не имела ничего общего со здоровым цветом лица — на лбу выступила холодная испарина, а дыхание, казалось, обжигало холодом руки. Байлан расстегнул тяжелое пальто на брате, забрался внутрь и крепко обнял его, прижавшись щекой к его шее.

— Брат, — Байлан осторожно закрепил на запястье Ци Цзю датчик мониторинга; тот вечно ворчал, что прибор мешает, и норовил его сорвать. — Слышишь? Снаружи пускают петарды.

Ци Цзю слышал. Согретый теплом волчонка, он чувствовал себя вполне сносно и позволял Байлану возиться со своей одеждой:

— Красиво там?

Байлан не знал. Он не умел ценить подобные вещи и не понимал смысла в мимолетных искрах, гаснущих в ночном небе. Этот свет нельзя было удержать, он исчезал мгновенно, не оставляя и следа.

Впрочем, он и не смотрел в окно. В переменчивых отблесках салюта он, не мигая, смотрел на Ци Цзю. И потому ответ на вопрос не составил труда.

— Красиво, — произнес Байлан. — Очень красиво.

Ци Цзю улыбнулся и ласково взъерошил волосы на голове волчонка, вытирая об них остатки муки.

— Не забудь добавить холодной воды, — напомнил Ци Цзю. — Когда варишь пельмени, нужно подливать холодную воду. Как трижды всплывут — значит, готовы.

Байлан кивнул, уткнувшись в его грудь — так Ци Цзю мог почувствовать ответ, даже не слыша слов.

Волчонок поднял руку, прикрыл веки Ци Цзю и, подражая его движениям, медленно и нежно провел ладонью вниз:

— Брат, поспи немного. Я разбужу тебя, когда будет готово.

Он не сводил глаз с Ци Цзю. Они были слишком близко друг к другу, а кухонный свет был безжалостно ярким, обнажая каждую деталь.

Байлан заметил, как Ци Цзю на мгновение замер, в его тусклых янтарных глазах промелькнула обреченная нежность и слабая улыбка. А затем он перестал притворяться, и наружу проступила свинцовая, всепоглощающая усталость.

Е Байлан помог ему закрыть глаза. Он обнял брата за плечи и принялся осторожно, один за другим, целовать следы этой изнуряющей болезни. В этом жесте не было страсти или заигрывания; Байлан просто хотел впитать в себя эту усталость, эту боль.

Но он не мог. Ци Цзю вытащил его из бездны страданий, но сам Байлан был бессилен спасти его в ответ. Он не мог болеть за него, не имел права забрать его боль себе.

Тело в руках Байлана отяжелело — Ци Цзю снова провалился в сон. Байлан сжал его крепче. Он снова хотел было укунить себя за губу, но Ци Цзю предусмотрительно смазал рану соком горькой тыквы. Байлан ненавидел горечь, поэтому, как бы ни хотелось ему снова спровоцировать брата на то памятное предостережение, он покорно сдержался.

Вода в кастрюле глухо бурлила. Окна кухни быстро затянуло паром, и фейерверки снаружи превратились в размытые, яркие пятна. Байлан осторожно уложил Ци Цзю на подушки и, прихрамывая, пошел добавлять в котел холодную воду.

Они встречали Новый год вдвоем. Под подушкой Ци Цзю Байлан нашел «хунбао» — красный конверт, предназначенный ему. Внутри лежал ключ странной формы. Байлан не знал, что он отпирает, но всё же нашел красную нить, повесил ключ на шею и спрятал под одежду.

Он тоже хотел что-то подарить Ци Цзю, но не мог придумать, что именно. Казалось, брату ничего не было нужно, ничто его не заботило — он вполне освоился в этом мирке, ограниченном кондиционером и диваном, где он просыпался лишь за тем, чтобы немного утешить Байлана, а затем снова неспешно погрузиться в сон.

Следуя наставлениям, Байлан трижды подливал холодную воду и, дождавшись третьего всплытия, выловил пельмени на тарелку, чтобы те немного остыли. Он попробовал один — вкус был самым обычным.

Аромат еды заставил Ци Цзю очнуться:

— Скорее, я умру с голоду через три секунды.

Байлан, который до этого момента тупо созерцал тарелку, мгновенно рассмеялся — эта шутка будто вдохнула в него жизнь. Он взял небольшую пиалу, отложил несколько пельменей, успевших остыть до нужной температуры, и, присев на корточки у дивана, принялся кормить брата.

Этим вечером у Ци Цзю был отличный аппетит: обмакивая пельмени в уксус, он съел два с половиной за один присест.

— Пахнет чудесно, — похвалил Ци Цзю. — Очень вкусно.

Байлан доел оставшуюся половинку и тоже нашел её вкусной — начинка удалась на славу, и приятная сытость тут же разлилась по телу. Внезапно он почувствовал волчий голод; пристроившись у дивана, он принялся жадно поглощать оставшиеся пельмени, но так и не смог насытиться.

Ци Цзю немного подвинулся, приглашая его сесть:

— В кастрюле еще есть, иди возьми себе.

Байлан не заставил себя ждать. Устроив Ци Цзю поудобнее, он принялся рассказывать ему, какого цвета вспыхивают в небе огни, попутно поглощая горячую еду.

За пельменями последовал бульон. Ци Цзю сказал, что «старый отвар помогает переварить старую пищу» — Байлан не понял мудрости, но послушно выпил свою порцию.

— Всё... достаточно, — Ци Цзю вел счет ударам палочек о край миски и вовремя скомандовал «отбой», чтобы волчонок ненароком не объелся до дурноты. Он пошевелил правой рукой и погладил Байлана по заметно округлившемуся животу: — В следующий раз съешь на пару штук меньше.

Байлан послушно кивнул. Он запомнил: норма — двадцать семь с половиной пельменей и чашка бульона. Он впитывал каждое слово Ци Цзю, чтобы потом безукоризненно следовать правилам:

— Брат, хочешь спуститься вниз?

Ци Цзю, размышлявший о правильности выбранного рациона, опешил:

— Ты что, действительно объелся?.. Хочешь прогуляться?

Байлан и сам не знал, объелся он или нет. Он просто хотел сводить Ци Цзю посмотреть на снег — сегодня снова начался снегопад. В новостях говорили, что это, возможно, последний снег этой зимы.

Он опустил взгляд на свой живот и признал:

— М-м. Тяжело.

— Ну, тогда идем, — Ци Цзю улыбнулся. — Впредь сам рассчитывай силы, не полагайся только на мои слова.

На этот раз Байлан промолчал. Он поднял Ци Цзю с дивана — движения его были предельно осторожными и плавными, чтобы не причинить брату ни малейшего беспокойства.

Он помог ему переодеться и усадил в кресло. Зимняя одежда была Ци Цзю явно велика, да и остальные вещи сидели теперь совсем иначе. Нужно было поскорее заказать новые, ведь Ци Цзю хотел выглядеть «красиво».

Байлан и сам старался соответствовать. Им нужно было найти момент для совместного фото; Байлан уже наводил справки о татуировках, но пока не встретил мастера, чьему искусству мог бы довериться.

— Наклонись, — Ци Цзю наощупь взял шарф и обмотал его вокруг шеи Байлана. — Ну как... готово?

Байлан замер перед креслом, позволяя брату возиться с узлом:

— Готово.

Ци Цзю, оставшись недовольным результатом, поправил складки, скрыв под ними добрую половину лица волчонка.

— Не простудись, — Ци Цзю явно дорожил результатами своего «воспитания». — Редко когда от тебя дождешься тепла.

Байлан издал невнятный звук и опустил глаза на свои руки. Его температура не изменилась. Просто Ци Цзю стал слишком холодным.

Байлан не стал говорить об этом. Он застегнул ремни на кресле, накрыл брата плотным ворсистым пледом, закрыл шкаф и покатил кресло к лифту.

Байлан описывал Ци Цзю всё, что видел на пути. Он набрал пригоршню снега и дал брату коснуться его, катал кресло по садовым дорожкам и, повинувшись капризу Ци Цзю, вылепил ровно тридцать снеговиков... А потом, под чутким руководством брата, они по-детски напугали сидевшую на ветке невинную сову.

Байлан не знал вкуса снега. Сначала он съел мятную конфету для сравнения, а затем, воспользовавшись тем, что Ци Цзю отвлекся, проглотил огромный снежок.

Ци Цзю: «...»

Он наконец осознал, что курс «не позволяй Е Байлану подбирать с земли всякую гадость» был жизненно необходим.

— Вкусно? — спросил он.

Байлан сглотнул талую воду. Ледяной холод на мгновение приглушил то нестерпимое жжение в груди, усмирил страх перед прошлым и будущим. Он позволил себе на миг забыть о том, что когда этот снег растает, ему негде будет искать тень Ци Цзю.

— Не вкусно, — хрипло ответил Байлан. — ...Холодно.

— Так тебе и надо.

Байлан: «...»

Ци Цзю не удержался от смешка и, выбрав момент, запихнул пригоршню снега брату за шиворот. Байлан вздрогнул от неожиданности и застыл. В неверном свете снежной ночи и праздничных огней он увидел, что Ци Цзю смеется. И тогда он понял — это очередная «игра».

Действуя по заученному сценарию, он прижался к инвалидному креслу, пытаясь укунить Ци Цзю за кончик носа или пощекотать его. Глядя на брата, который от смеха уже начал искать кислородный баллон, Байлан почувствовал, как в его глазах тоже загорается искра искреннего веселья:

— Брат.

Ци Цзю как раз соображал, не забыл ли он баллон дома:

— Что такое?

Байлан протянул руки, обхватил его за плечи и принялся медленно согревать своим дыханием, одновременно расстегивая ремни кресла. Он вытащил Ци Цзю из сиденья и взял на руки.

Дыхание Байлана было прерывистым — и не только от физического усилия. Он старался дышать ровно, когда согревал брата, но сам едва справлялся с одышкой. Хаотичные потоки воздуха ласкали лицо Ци Цзю, превращая падающие снежинки в мельчайшие капли воды.

Ци Цзю, оказавшийся в положении «беззащитной жертвы», решил, что у волчонка, должно быть, просто чешутся зубы, и он пользуется любой возможностью, чтобы их размять:

— ...Ты решил подработать кислородным баллоном?

— Куда мне до него, — негромко прохрипел Байлан. — В баллоне концентрация кислорода выше.

Намного выше.

Он не мог сравниться и с ампулой обезболивающего, что дарила Ци Цзю краткие часы покоя. Но в одном он был сильнее любого лекарства.

Он мог держать Ци Цзю на руках.

Снег был девственно чистым — этот слой напал совсем недавно. Все сидели по домам, празднуя Новый год; никто не решился выйти на улицу в такую пору.

— Брат, — Байлан бережно устроил Ци Цзю поудобнее. Он осторожно опустил его на сиденье машины, а сам примостился рядом. — Завтра мы уезжаем далеко-далеко. В отпуск.

Ци Цзю еще не рассматривал такой вариант развития событий и был изрядно удивлен:

— Куда именно?

— В горы, где растут леса, — ответил Байлан. — Я помогу тебе кормить волков.

Ци Цзю: «...»

Он так и знал: те выброшенные черновики не прошли для волчонка бесследно. Байлан не заговаривал об этом раньше, а Ци Цзю не находил повода начать разговор, и эта тема так и оставалась скрытой под покровом их внешне спокойных будней.

Но так продолжаться не могло. Ци Цзю понимал это, но проблема была в том, что «правильного» решения просто не существовало. Ни один план не мог быть достаточно надежным и безупречным.

Возможно, этот выбор действительно стоило оставить за самим Байланом.

— ...Что ж, едем, — согласился Ци Цзю.

Он не стал спрашивать, как Байлан организовал поездку, что будет с делами семьи Е и не свергнет ли их внезапное исчезновение весь город в хаос. Хаос — это не всегда плохо; для установления нового порядка всегда нужна искра смуты.

Когда они вернутся из своего «отпуска», Байлан сможет упрочить свое положение и подмять под себя тех, кто еще смеет скалиться. У него должно быть дело.

— Только вот тело мое совсем никуда не годится, — заранее предупредил Ци Цзю. — Навряд ли я смогу составить тебе компанию в развлечениях. Придется тебе большую часть времени просто сидеть со мной в отеле, пока я сплю.

Байлан лежал рядом с ним на заснеженном заднем сиденье машины. Он сжал руку Ци Цзю, и на его лице впервые за долгие месяцы проступила тень искренней, неподдельной радости.

— Спать — это хорошо, — Байлан коснулся ресниц брата, смахивая с них снежинки. — Сон полезен для здоровья.

Он мог часами сидеть рядом, пока Ци Цзю спал. Они могли проводить в номере двадцать три часа в сутки, оставляя лишь час на прогулку к лесу. А если времени будет не хватать — пусть будет двадцать два часа.

У Байлана не было четкого маршрута, потому что у него не было цели. Он не знал, где находится настоящий дом Ци Цзю. Тот никогда не рассказывал, а на все расспросы лишь отмахивался: мол, слишком долго меня там не было, всё позабыл.

Байлан приказал проверить биографию «Вэнь Чжэня», но то ли она была искусно подделана, то ли по какой-то иной причине — данные никак не вязались с тем Ци Цзю, которого он знал.

— К тому же, я человек капризный, люблю комфорт, — продолжал Ци Цзю. — Мне нужны дорогие машины и изысканные блюда.

Байлан послушно прижался щекой к его ладони:

— Брат, я достану для тебя лучшую машину.

Он знал, что Ци Цзю лукавит. Роскошные авто брата не интересовали, к еде он относился требовательно, но без излишеств — лишь бы было вкусно и красиво подано. Ци Цзю говорил так лишь потому, что знал: Байлану придется долго быть за рулем, и хотел, чтобы тот чувствовал себя как можно удобнее.

— Мы будем ехать не спеша, любоваться видами и обедать в лучших ресторанах.

— А еще мы сможем валяться в отеле и заказывать еду в номер, — добавил Байлан.

Сам он никогда не жил в роскошных гостиницах. До того как он взял власть в семье Е, ему приходилось считать каждый грош, даже снимая комнату в дешевом мотеле. Он не знал, как устроены отели высокого класса.

Но на этот раз всё будет по высшему разряду. Байлан решил, что Ци Цзю должен вкушать все блага этого мира. Он слышал, что там бывают шведские столы и бассейны... Если брат захочет и силы позволят, они обязательно сходят на горячие источники.

Байлан никогда не говорил так много за один раз.

Он поймал себя на мысли: побег с Ци Цзю — это так упоительно. Каким же он был глупцом, что не додумался до этого раньше! Если бы он только понял это раньше, он мог бы возить Ци

Цзю по миру, пока тот еще мог ходить и видеть. Он помог бы ему найти дом.

Ци Цзю тосковал по дому — в этом они были совершенно разными. Тот, кто тоскует, часто сам не замечает этого, но со стороны всё видно как на ладони. Байлан, который каждую минуту проводил, глядя на брата, видел это отчетливо.

Байлан говорил до тех пор, пока в горле не пересохло. Осознав, что заговорился, он вдруг заметил, что Ци Цзю не отвечает. Охваченный тревогой, он приподнялся, чтобы заглянуть брату в лицо.

В бледном свете снежной ночи, отраженном от белой равнины, лицо Ци Цзю казалось таким же бесцветным и холодным, как сам снег.

— Брат, — грудь Байлана начала тяжело вздыматься. Он потерял чувствительность в руках и принялся неуклюже тереться головой о плечо Ци Цзю: — Брат, подожди... не спи пока. Слышишь? Не спи.

Сначала он должен найти для него дом. Лишь тогда Ци Цзю сможет уснуть спокойно. Байлан спрашивал об этом в храме. Он пожертвует на строительство святилища, будет приносить дары и читать мантры день и ночь — он сделает всё, чтобы Ци Цзю нашел дорогу домой.

Но сначала они должны отправиться в путь. Ци Цзю не может остаться здесь, в этой тесной клетке, куда его заточил Байлан.

На этот раз Ци Цзю приходил в себя дольше обычного. Даже в густой тьме ночи, под грохот фейерверков, было видно, каких трудов ему стоит просто разомкнуть веки.

Он лишь медленно, с трудом пошевелил пальцами, щекоча ладонь Байлана. Тот стоял на коленях в снегу, сжимая лицо брата в ладонях; он судорожно хватал ртом воздух, а тело его пронзала тягучая, острая боль.

— Повторяй за мной... — пальцы Ци Цзю едва ощутимо коснулись его руки. — Вдох... выдох... вдох... выдох...

Он не торопился, помогая Байлану справиться с приступом удушья, и лишь когда дыхание того выровнялось, прекратил счет:

— Запомнил?

Пальцы Байлана дрожали от холода. Не давая Ци Цзю убрать руку, он крепко перехватил её.

— Не запомнил... — Байлан сжал его палец, не смея приложить силу. Голос его сорвался: — Брат, я ничего не помню.

Он приник к плечу Ци Цзю, содрогаясь всем телом. В его хриплом голосе слышались отчаянные, надрывные рыдания. Он действительно ничего не помнил... Он не знал, как дышать правильно, в голове была лишь рука Ци Цзю, что выводила узоры на его ладони.

Байлан снова хотел набрать в рот снега, чтобы хоть как-то унять этот пожар в груди, но знакомое, ласковое прикосновение к спине заставило его замереть.

— Ничего страшного, — Ци Цзю проявил редкое снисхождение. — В этом нет ничего такого.

Он не сердился, лишь мягко утешал его:

— Просто мало практики. Потренируемся еще пару раз, и всё получится...

К Байлану постепенно возвращались чувства. Он всё еще тяжело дышал, прижимая к себе слабую руку Ци Цзю.

— Я же говорил тебе, что быстро утомляюсь, — голос Ци Цзю звучал тише обычного. Он прикрыл глаза, делая вид, что ворчит: — Это я виноват, что уснул и пропустил твой «великий план»?

Сквозь мучительную боль Байлан заставил себя улыбнуться. Он покачал головой и теснее укрыл брата в своих объятиях. Ци Цзю, кажется, был удовлетворен:

— Я слышал... План так себе.

С первых же слов было ясно: этот маршрут составлял человек, который никогда не путешествовал — слишком наивно, слишком самоуверенно. Ци Цзю даже не стал тратить силы на объяснения: с таким проводником, как Байлан, проще было броситься в реку и плыть по течению, куда вынесет.

— Я буду вести нас и командовать.

— А ты, — Ци Цзю распределил обязанности, — будешь платить, крутить баранку и таскать меня на руках.

И больше ни во что не вмешивайся. Главное — никаких горячих источников в Гималаях.

Байлан содрогнулся всем телом; он закусил губу, сдерживая то ли смех, то ли стон боли.

А датчик сердечного мониторинга на груди Ци Цзю продолжал подавать сигналы. Это не был пронзительный вой тревоги, а лишь тихий, методичный звук, что через каждые несколько минут напоминал о неумолимом ходе времени.

Напоминание об уходящей жизни. Предупреждение для каждого, кто слышит: это сердце вот-вот перестанет биться.

Возможно, в запасе была пара недель, а может — месяц или два... Если повезет, они успеют добраться до тех гор, где лес уже пробудился от спячки и оделся в молодую зелень.

В груди Байлана завывал ледяной ветер. Он перестал смотреть на монитор; он лишь крепче сжал руку брата и покорно прошептал:

— Слушаюсь, брат.

Ци Цзю показалось, что тот немного тормозит:

— Ну же, неси меня.

Байлан поджал губы, на его бледных щеках проступил слабый румянец. Он осторожно поднял Ци Цзю на руки и направился к гаражу. В машине уже было всё необходимое: в доме перекрыты газ и вода, недоеденные пельмени упакованы в контейнер, а в термосе ждет горячий бульон.

Лучшая машина, которую только можно было достать, была готова. Просторная — там мог лечь Ци Цзю, и еще осталось бы место для него самого.

Они не возвращались домой. Это был побег.

<http://bllate.org/book/16113/1589481>